

Великоскелпное приключение

18+

Соколов Иван

Великосклепное приключение

«Автор»

2026

Иван С.

Великосклепное приключение / С. Иван — «Автор», 2026

Сэр Гектор и его семья мирно жили в своем склепе. Увы современная реальность растормошила даже такую уважаемую нежить. И папа скелет решил потрянуть старыми костями и дать настоящего рок н роллу.

© Иван С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Соколов Иван

Великосклепное приключение

Глава 1

Юриспруденция — наука точная, но бессердечная. Особенно когда дело касается тех, у кого сердца нет уже лет триста.

В Муниципалитете всегда считали, что смерть — это не повод уклоняться от уплаты налогов на недвижимость. Поэтому, когда Городской Совет принял печально известный «Акт об Оптимизации Исторического Наследия», для нежити наступили тёмные времена. Суть закона сводилась к изящной бюрократической уловке: если владелец здания не производит дыхательных движений на протяжении ста лет и не может лично расписаться в квитанции, его права на *надземную* часть собственности аннулируются в пользу города. В конце концов, мертвым не нужны панорамные окна и лепнина на фасаде.

Именно так семейство Склеповичей лишилось роскошного верхнего мавзолея. Муниципалитет оперативно сдал его в аренду по льготной ставке «творческой молодежи». И эта молодежь принесла с собой не только дурные манеры, но и акустическое оборудование.

Впрочем, в подземной части склепа, уютно устроившейся в тени вековых надгробий, жизнь (или, точнее, её категорическое отсутствие) шла своим чередом. Вы, возможно, спросите: как склеп может быть уютным? Уют, дорогие мои живые слушатели, — дело исключительно относительное. Для кого-то это мягкий плед и камин, для кого-то — три метра идеальной, пятивековой пыли и полное отсутствие сквозняков, способных разметать тщательно развешанную паутину и “О Боги!” выгнать затхлый запах из старых галерей..

Пыль, знаете ли, материя куда более сложная, чем кажется. Попробуйте не вытирать её полтысячелетия. Она не просто обретёт самосознание — у неё появится ярко выраженная национальная гордость, собственная письменность и эпос о Великом Оседании. Ещё пара веков, и она бы объявила о своей независимости, признав Влажную Тряпку оружием массового поражения, а Сквозняк — актом международного терроризма.

Вот и Фрида, экономка склепа и по совместительству мама-скелет, так считала. Порядок для неё был священен, возможно, потому, что дисциплина — это единственное, что удерживает кости в относительном порядке - нежить, как никак народ волевой. В её руках зловеще покачивалась чугунная сковорода — семейная реликвия, которой одинаково успешно можно было прогнать наглых расхитителей гробниц и привести в порядок замечтавшегося мужа. Сковорода зловеще грохнула о стол, подняв небольшое облачко пыли.

— Лилит, золотце моё неживое! — проворчала она, оглядывая помещение. — Опять твои неумные эксперименты в области прикладной биологии? Ума не приложу, куда делось то замечательное семейство пауков-ткачей, которое я с таким трудом добыла на прошлой неделе. Я планировала, что они задекорируют западный угол к приходу ревизора из Гильдии Привидений!

Озорно постукивая костяшками в комнату зашла Лилит. Это будет трудно представить, но попробуйте. Нежить, которая буквально дышит жизнью. Точнее, *на* которой дышит жизнь. На её черепе, украшенном непослушной спутанной шевелюрой, свито птичье гнездо. В пустых глазницах застряли веточки, а плечи, обильно покрытые птичьим пометом, кажутся укрытыми дорогим горностаевым мехом, если у вас очень плохое зрение и богатая фантазия. Лилит задумчиво легким движением извлекла из... скажем так, глубины своего богатого внутреннего мира жирного трупного червяка и задумчиво скормила его нагло орущему птенцу в гнезде.

— Не знаю, мам. Пауки? Возможно, они теперь часть моей экосистемы. Или, может быть, мои новые друзья, — она махнула костяной рукой, вызвав паническое хлопанье крыльев, употребили их на обед.

— Стоило задремать на пару десятилетий — а у тебя уже очередная семейка птах свила недвижимость в волосах. Ах, прелести жизни! Переезды, новые дома!

— Лилит, мы, кажется, обсуждали уместность «жизни» дома? У нас есть репутация. Мы нежить солидная, уважаемая... А твои питомцы...

В этот момент в помещение, с сухим ритмичным перестуком костей о камень, проковылял дедушка Хулий. На его поясе звякала чернильница, а в руках он сжимал огромную книгу, переплетенную кожей какого-то очень старого и не очень удачливого бюрократа.

— ...Умирают! — скрипуче закончил он фразу за Фриду. — Доброе утро всем, кто ещё не окончательно истлел.

— Вот именно! — Фрида всплеснула руками. — А потом ты, Лилит, расстраиваешься, запираешься на добрые лет десять и отказываешься уважать фамильный прах, хороня пташек рядом с почившими родными.

— Прах к праху, начала было парировать Лилит, но дедуля закашлялся и скрипучим голосом прервал её оправдание:

— Документально подтверждаю, — Хулий энергично сверился с фолиантом. — Согласно моему «Реестру Беспольной Траты Эмоций», за последний век зафиксировано двенадцать случаев «Горя по Пернатым». Ты бы брала пример с меня. Я храню только то, что уже прошло стадию разложения. Я храню Традиции!

Из балахона бабушки с тихим «шорх-шорх» вылез потрепанный петушиный скелет, напоминающий неудачный эксперимент по созданию ершика для унитаза. Он был одержим духом древнего бога похоти Имада Нифогвено, которого папа Гектор при жизни изгнал в тушку птицы. Видимо, у Гектора в тот день было очень плохо с фантазией и очень хорошо с плохим чувством юмора. Петух захлопал недокрыльями и издал возмущенное «КУ-КА-РЕ... БОЙСЯ МЕНЯ, СМЕРТНЫЙ!» на языке столь древнем, что даже Склеповичи его не знали.

— Дед, это мерзость, — вздохнула Лилит. — Я еще выскажу папе за его идею спрятать древнего бога в тушке презренной птицы. У птицы должен быть какой-нибудь мозг, а не божья искра.

— И это ты тоже говорила. Ровно двенадцать раз, — парировал Хулий, скрипя пером. — Стагнация, дорогая. Я всё записываю.

Не успели чернила просохнуть на заглавной букве слова «Стагнация», как каменная дверь склепа содрогнулась. В проёме появился Сэр Гектор. Его канонический облик сурового рыцаря скрывался под горой картонных коробок, ширм, мешочков с кубиками и свитков. Сверху этой инсталляции балансировала огромная, раскрашенная вручную фигурка Виверны. Гектор тяжело вздохнул, выпустив облако ржавой пыли из глазниц, и с грохотом сгрузил всё это великолепии на обеденный стол.

— Нет, ну это просто смешно! — его голос гудел, как из пустой бочки, полный праведного негодования. — Пятьсот лет брака, четыреста сорок которых приходятся на почётное посмертие, а уважения к Мастеру Подземелий — как к живому налоговому инспектору! Вы просто встали и ушли! Мы бросили партию в «Склепы и Виверны» на самом интересном месте!

— Интересно месте, Гектор? — сухо уточнил Хулий, не отрываясь от книги. — Мы ушли, потому что партия зашла в тупик.

— Вы всего-то двадцать лет пытались договориться с каменным големом на входе в казначейство! — возмутился Гектор. — Двадцать лет — это же просто вежливое вступление! Тем более вы сами выбрали обследовать, голема, осмотреть голема, исследовать его магическую ауру, проверить его на демоничество, — гектор начал загибать свои пальцы костяшки.

— Пап, мы заскучали, — Лилит спасла птенца от падения в чернильницу. — Спустя десять лет голем стал действительно скучным, ведь мы проверили его навыками из всех редакций и в нем не было НИЧЕГО!

— Заскучали?! Это был обычный голем на входе в банк! Обычный. ГОЛЕМ!, - если бы у Сэра Гектора были Глаза он закатил бы их как любой уважающий себя мастер игры, встретившийся с непроходимым желанием игроков искать подвох во всём.

МЫ ДОИГРАЕМ ЭТУ ПАРТИЮ, ЧЕГО БЫ ЭТО НИ СТОИЛО! Прогремел Гектор и его глазницы мигнули красным свечением.

Сэр Гектор, не дожидаясь ответа (которого, впрочем, ни один уважающий себя Мастер Подземелий в здравом уме и твердой памяти никогда не ждет), развил бурную деятельность. Он начал лихорадочно переставлять раскрашенные фигурки на столе, едва не сметая свитки с записями Лилит, и радостно разглагольствовать о правилах «магического урона», «проверке на выносливость каменных големов» и о том, что петух-бог Имад — идеальный кандидат на роль Барда 20-го уровня, потому что на его памяти он единственный образчик нежити, способный развести расхитительницу гробниц на эротическую фотосессию.. Его забрало при каждом слове радостно звякало, а из щелей доспехов от избытка энтузиазма вылетали испуганные моли, которые жили там с незапамятных времён.

Фрида тяжело оперлась на свою сковороду, издав тихий звук, похожий на шелест старой бумаги. Лилит медленно, очень медленно прикрыла пустые глазницы ладонью, случайно спугнув одного из воробьев, который с возмущенным писком перелетел на шлем Гектора. Дедушка Хулий, казалось, единственным сохранял спокойствие, быстро скрипя пером и добавляя новую статью в главу «Неизбежное Зло, Том IV».

Если бы у скелетов были веки, Фрида и Лилит зажмурились бы. Если бы у них были губы, они бы вздохнули — долго, глубоко и с тем специфическим надрывом, который доступен только женщинам, прожившим с мужчиной несколько столетий подряд. Но у них были только челюсти и абсолютное, кристально четкое понимание суровой истины, которую рассказчик просто обязан донести до слушателя, чтобы тот лучше понимал природу наступившей Гробовой Тишины:

Нет ничего хуже мужчины, загоревшегося очередной дикой идеей... В особенности — мужчины, у которого впереди... Вечность.

Ведь у живого энтузиаста хотя бы есть шанс, что он умрет до того, как доведет вас до ручки. У Сэра Гектора этого предохранительного клапана не было по определению.

И тем не менее, они не ушли. Ни Фрида, ни Лилит не покинули склеп, не заперлись в саркофагах и даже не попытались притвориться ветошью. Они остались стоять у стола, покорно слушая, как Гектор вдохновенно описывает бонусные броски на «Уклонение от чрезмерного любопытства».

Почему? Некромантия до сих пор не дала точного ответа.

Некоторые романтично настроенные философы склонны списывать это на легендарный женский стоицизм. Другие — на безграничную преданность семье, способную пережить даже клиническую смерть и отсутствие мягких тканей.

Но истина, как водится, пряталась где-то в районе циничного прагматизма.

Видите ли, женщины — даже те, у которых из женского осталась только вьедливость и чуть другая форма костей — веками терпят энтузиазм своих дорогих мужчин и ввязываются в их самые дикие, сомнительные и откровенно самоубийственные (если бы это слово было к ним применимо) авантюры только ради одной-единственной цели. Ради того самого, священного, сияющего момента в самом финале.

Ради того, чтобы, когда план неизбежно — (в 99,9% случаев) — с оглушительным треском провалится... Ради того, чтобы медленно скрестить руки на грудной клетке, посмотреть на

поникшего мужа и произнести самым ровным, самым ехидным и пробирающим до костного мозга тоном:

— *А я же говорила.*

О, этот вкус абсолютной правоты! Ради него стоило терпеть не то что партии в Виверны и Склепы, но и саму Вечность. А что касается оставшейся 0,1% случаев, когда план мужчин всё-таки срабатывал... ну, настоящая женщина всегда найдет способ доказать, что он сработал *неправильно*, и всё равно произнести эту фразу.

— Хорошо, Гектор, дорогой. Мы сыграем в твою игру. Хулий, будь добр, запиши в свой протокол: ровно в полночь я официально выразила глубочайший скепсис. Чтобы потом не было разночтений. Идеально выверенным голосом прошелестела Фрида.

План Сэра Гектора по спасению вечера был безупречен. И, как любой безупречный план в этом мире, он продержался ровно до столкновения с суровой акустической реальностью.

Сверху, прямо над каменными сводами, ударил аккорд.

Слово «ужасный» здесь не подходит. Это был звук, который обладал злым умыслом, плохой кредитной историей и явным намерением нарушить Женевскую конвенцию об обращении с барабанными перепонками. Вибрация прошла по столу, заставив фигурку раскрашенной Виверны с печальным стуком упасть прямо в нарисованный лавовый ров.

Сэр Гектор замер. Его рука в латной рукавице сжалась в кулак. Глазницы вспыхнули недобрым багровым светом. Он медленно, с лязгом, выпрямился, пробормотал что-то про «чертовых хиппи» и, схватив свой гигантский двуручный меч, пылившийся в углу около 200 лет, шагнул к старой каменной кладке, отделявшей склеп от соседнего тоннеля.

Гектор пробил стену с грацией рассерженного носорога. За стеной, в облаке вековой пыли, предстала картина, достойная кисти безумного живописца.

У микрофонной стойки, сделанной из чьей-то берцовой кости, стоял Фэлан — эльф настолько тощий, что казался двухмерным. На нём было больше английских булавок, чем ткани, а рыжий ирокез угрожал проткнуть низкий потолок.

За барабанами, тяжело дыша и потев восседал Гормандил. Природа создала эльфов легкими и эфирными, но Гормандил, очевидно, нашел лазейку в генетике через пиво и пончики. Он был практически сферическим и съедобным как булочка.

В углу, ссутулившись над лютой, зловеще пускающей пар и искрящей от разрядов стоял гном Торек Железный Аккорд. Он яростно дергал струны, которые отзывались печальным “трунь” и ворчал в бороду о том, что гриф сделан из неправильной сосны.

Но звездой этого парада энтропии была басистка. Линзи, темная эльфийка. Она была на голову выше остальных, широка в плечах, мускулиста сверх меры и покрыта магическими тагуировками от кончиков острых ушей до тяжелых армейских ботинок. В момент появления Гектора она, в короткой рваной юбке и колготках в сеточку, выдавала невероятный акробатический трюк: изогнувшись мостиком назад, так, что её темные волосы мели пол, она продолжала яростно истязать толстые струны своего баса.

Сэр Гектор попытался набрать воздуха в грудь... Еще раз.. А потом вспомнил что уже давно мертв. Кажется такая плохая музыка реально поднимала мертвых из могилы.

— ИМЕНЕМ... ИМЕНЕМ...

Гектор осекся. Боевой клич застрял где-то в районе отсутствующей гортани. Он опустил меч. Багровое свечение в его глазницах сменилось пульсирующим, почти ностальгическим розовым. Он прислушался к ритму, который отбивал потеющий Гормандил, и к грязным риффам ворчливого Торека. Линдзи, не выходя из мостика, вопросительно подняла бровь, не переставая играть.

— Клянусь своими сгнившими подтяжками... Я знаю этот квадрат. Я *помню* этот ритм! Гектор благоговейно уставился на группу.

— Гектор? Дорогой? Кого мы убиваем первым? Я бы предложила гнома, от него пыли меньше. Промолвила ледяным тоном Фрида, заглянувшая в пролом вслед за мужем.

— Убиваем?! Фрида! Женщина! Ты не понимаешь! Это же... это же ОНО! Я вспомнил! Я вспомнил, как это началось! Битва при Ущелье Воющей Глотки! 1236 год! Гоблины зажали нас в узком проходе. У нас закончились стрелы, закончилось масло, у нас закончились даже плохие ругательства! Затараторил Гектор

Лилит стряхнула штукатурку с робы и вежливо поинтересовалась в который раз — И что ты сделал, пап?

Гектор раскинул руки и расцвел. Хотя к скелету это эпитет ооочень трудно применим. — Я приказал столкнуть на них огромный валун со скалы! Это был грандиозный, идеально круглый камень! И он покатился! Это был Камень! И он Катился! Это был буквальный Рок, и он, черт возьми, сделал Ролл прямо по фаланге гоблинов! Клянусь богами, крик, который они издали, когда он по ним проехался... Это был первый в мире дисторшн! Я ИЗОБРЕЛ РОК-Н-РОЛЛ!

Музыканты перестали играть. Фэлан поперхнулся воздухом. Торек подозрительно прищурился. А Линдзи, грациозно вернувшись в вертикальное положение, поправила бас-гитару и ухмыльнулась.

Сэр гектор бросился к музыкантам, а в его глазницах засиял опасный золотистый огонек. — Но вы играете это неправильно! Где драйв?! Где ярость?! Где ощущение, что на вас катится многотонный гранитный булыжник?! Эльф! — он ткнул пальцем в Фэлана. — Ты поешь, будто у тебя несварение, а не анархия в душе! Гном! Хватит гладить струны, руби их, как ороczyи шеи!

— Эй, слушай, консервная банка... начал басить оскорбленный Торек

Но сэра Гектора было не остановить. Скелет метался по узкой усыпальнице как наскипидаренный — Я буду вашим продюсером! Я ваш менеджер! Мы едем в тур! Мы назовем его «Мертвый Сезон»! Мы заставим этот мир вспомнить, как звучит настоящий Рок Н Ролл!

В склепе повисла тишина. Не та прекрасная, гробовая тишина, о которой мечтала Фрида. Это была тишина перед бурей. Тишина, в которой рушатся надежды на спокойную вечность.

Это был тот самый 0,1% случаев. Худший из возможных исходов. Ситуация, когда мужчина не просто загорелся идеей, а вспомнил, что именно он принес в этот мир спички.

Фрида медленно, методично стряхнула пыль с передника. Она посмотрела на мужа, который уже показывал гигантской темной эльфийке Линдзи, как правильно держать бас-гитару, чтобы ею было удобнее отбиваться от фанатов. Затем она повернулась к дочери.

— А я же говорила, Лилит. Лучше бы мы доиграли в тех проклятых Виверн. Собирай свои склянки, золотце. Мама идет искать нам беруши. Гномьей ковки. И, возможно, хороший топор.

Чего у Фриды было не отнять (помимо семейной чугунной сковороды, которую она сжимала буквально мертвой хваткой), так это любви к своему сумасбродному мужу. Любовь у нежити — чувство вообще крайне специфическое. У живых она измеряется бабочками в животе и учащенным сердцебиением. У тех, кто лишен и живота, и сердца, любовь измеряется готовностью паковать чемоданы и следовать за супругом прямо в зияющую, орущую и дурно пахнущую бездну шоу-бизнеса.

К тому же, если посмотреть на ситуацию с точки зрения прикладной некро-педагогики, Фрида рассудила, что Лилит действительно стоило развеяться.

Фрида Методично складывала в сундук полироль для костей и накрахмаленные саваны.

— В конце концов, — пробормотала она себе под нос, так и не найдя гномьих берушей и взяв вместо них два мотка бинтов, — жизнь лучше наблюдать на безопасном расстоянии. Как стихийное бедствие. Одно дело — тащить всякую сомнительную, шевелящуюся биомассу в наш стерильный, уютный склеп, и совсем другое — изучать её в естественной, грязной среде

обитания. Это называется «полевая практика». Как говорил один умный лич: Цезарю — цезарево, нежити — нежитово, а живым — налоги, невроты и кариес.

Лилит, услышав про «полевую практику», радостно захлопала в ладоши, отчего один из неокрепших птенцов выпал из гнезда, но был ловко пойман басисткой Линдзи и возвращен на базу. Девушка-скелет уже представляла, сколько увлекательных видов плесени можно найти в придорожных трактирах.

А вот метаморфоза, произошедшая с дедушкой Хулием, заслуживает отдельного упоминания в учебниках по квантовой мистике.

В нашей Вселенной существуют непреложные законы физики: вода течет вниз, бутерброд падает маслом на ковер, а любое существо с толстой книгой, пером и врожденной занудностью, оказавшееся в радиусе пятидесяти метров от творческого коллектива, неизбежно становится его менеджером.

Никто не предлагал Хулию эту должность. Никто не подписывал контрактов. Просто в какой-то неуловимый момент времени между двумя ударами Гормандила по тарелкам, Хулий перестал быть хранителем семейных Традиций и превратился в Хранителя Общака. Как всем счетоводам, бюрократам и пачкунам бумаги это удастся? Черт его знает. Демонология до сих пор бессильна перед бухгалтерией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.